

Три безделника / Восточная сказка

Category: Ertekiler, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Три безделника / Восточная сказка ТРИ БЕЗДЕЛЬНИКА

Во имя Аллаха, единого, великого и милосердного. Прекрасным утром, какие бывают весной в Багдаде, ехал мудрый и славный халиф Гарун-аль-Рашид, – да будет благословенна его память, – с верным визирем Джабеккиром по базару своего города.

По узким улицам длинными, бесконечными нитями тянулись караваны нагруженных верблюдов, выступавших неслышно, неспешно и важно.

Неистово кричали, захлебывались и плакали, как дети, маленькие ушастые ослы. Как это бывает с ними весной, они кричали не только при виде ослицы, но и при виде коровы. Потому что они ослы.

Словно торопясь умереть, бежали, часто перебирая ногами, сбившиеся в одну грудку грязные овцы, поднимая облако пыли.

Стуча по земле маленькими копытами, бежали и скакали с испуганным взглядом, с тревожным блеяньем козы.

Ехали верхами на белых, на серых красивых конях, держа в руках кривые сабли в богатых ножнах, знатные люди. Несли в закрытых носилках женщин.

Жалобно пели дервиши, с подвязанной здоровой рукой, с подвязанной здоровой ногой, которыми они не пользовались, истязая себя, во славу аллаха.

С оглушительным стуком колотили сталь на наковальнях кузнецы.

Слесаря визжали пилами по железу.

Мелко, мелко и звонко колотили медники по тонкой меди, выковывая узорные чаши для омовений.

У мясных лавок висели на крючьях, украшенные красными бумажными розами, туши молодых барашков с большими широкими курдюками. И мясники проворно и ловко работали около них, одним ударом рассекая тушу на две совершенно равные половины.

Хлебопеки вынимали из печей золотые хлебы, нежные и пышные. Из харчевен пахло уже чесноком, шафраном, луком, тмином, анисом и жирным пловом.

Торговцы коврами развешивали перед покупателями огромные тяжелые ковры и сами любовались яркими и живыми цветами.

– Возьми этот, господин! Он украсил бы спальню самого великого нашего халифа, да продлит аллах его дни! – Да продлит!

– Время вызолотило его ворс. словно солнцем освещен он. Луч солнца войдет вместе с этим ковром в твоё жилище.

Продавцы драгоценностей соблазняли женщин, закутанных в черные чадры, показывая им ценные вещи.

Бледно-розовые кораллы и похожую на кусочек утреннего неба бирюзу, – друзей человека, которые имеют свойство оставаться светлыми, пока человек здоров, и темнеют, едва человек заболел.

Рубины, – камень, который оживляет сердце, мозг, даёт бодрость и память человеку, очищает застывшую, испорченную кровь.

Сапфиры, – которые охраняют человека, дают ему храбрость, веселят сердце, улаживают все жизненные чувствования, пленяют глаз, прочищают зрение, удерживают приливы крови, укрепляют тело, восстанавливают силу.

Ониксы, – возбуждающие в сердце милосердие, в душе добродетель и изгоняющие пороки. Изумруды, – камень враг всякой нечистоты.

–

Испытайте его: если мужчина и женщина живут друг с другом в распутстве, и около них этот камень, – он лопается при злоупотреблении природой.

Алмазы, – самые драгоценные из камней. Они удерживают ярость и сластолюбие, дают воздержание и целомудрие. Малейшая частица этого камня может отравить лошадь, если дать его в питье, а тем более человека. Эти горящие всеми огнями камни лучше всего освещают дорогу к женскому сердцу.

Жемчуга, которые означают слезы только тогда, когда они мелки. Крупный жемчуг ещё никогда не заставлял плакать ни одну женщину.

Горели камни, горели женские глаза.

Глядя на все это и радостным сердцем слушая все эти голоса

жизни, — лязг железа, крики погонщиков, стук копыт, визг пилы, клятвы, брань, зазывание торговцев, Гарун-аль-Рашид сказал своему визирю Джабеккиру:

— Поистине этот город напоминает муравейник, где каждый муравей делает какое-то маленькое дело, — а в общем поднимается прехитрая постройка. Мне кажется, Джабеккир, что правитель должен как можно меньше вмешиваться в эту жизнь, чтобы не быть похожим на того прохожего, который наступает ногой на муравейник и в одно мгновение разрушает то, что тысячи муравьев строили целые недели.

— Мудрость не покидает тебя, повелитель, как твой верный слуга. И ты не покидаешь мудрости, как ее верный слуга! — отвечал Джабеккир.

В это время они проезжали мимо кофейни, которая в такой ранний час дня была еще пуста.

Только три человека сидели молча вокруг столика перед финджанами, — узорными чашечками густого кофе, — и молча курили абурих, — черный сирийский табак, прозванный «отцом благовония».

Гарун-аль-Рашид посмотрел на сидевших с улыбкой и сказал своему визирю:

— Во всем городе только три бездельника, которые с утра сидят в кофейне.

— Это немного! — сказал Джабеккир. — И если аллах из-за трех праведников щадит город, — то из-за трех бездельников он не станет разрушать этого города!

Они поехали дальше, но путь им преградил обоз. Джабеккир хотел было распорядиться, чтобы дали дорогу, но Гарун-аль-Рашид остановил его:

— Не будем наступать ногой на муравейник!

И они остались ждать, пока обоз проедет через улицу.

В это время они услышали сзади себя шум и крики и, оглянувшись, увидели, что три бездельника, сидевшие в кофейной, вскочили со своих мест, опрокинули столик, чашки с кофе и наргилэ, кричат во все горло и ожесточенно спорят.

— Любопытно, что могло так взволновать даже бездельников? — сказал Гарун-аль-Рашид, повернул своего коня и подъехал к

кофейной.

– Мир да будет над вами! – сказал он.

Спорившие поцеловали землю у ног его коня и сказали:

– Аллах да продлит твои дни и славой их да наполнит вселенную!

– Аллах пусть сделает так, как лучше! – ответил халиф. –

Скажите мне, о чем вы спорите?

Они заговорили все сразу.

Но Гарун-аль-Рашид приказал говорить кому-нибудь одному:

– А другие пусть только направляют его на дорогу, если он сойдет с пути истины.

И один из споривших сказал:

– Увидев нас, повелитель, ты изволил улыбнуться. Твоя улыбка разлила жизнь и радость, как первый луч солнца, когда оно показывается из-за гор. И мы спорим: к кому из нас относилась твоя улыбка?

– Об этом лучше бы попробовать того, кто улыбнулся, чем спорить между собою! – сказал халиф и ответил:

– Так знайте же. Я улыбнулся тому, кто из вас наибольший бездельник!

Прослыть первым бездельником в Багдаде так же нелестно, как и в Дамаске, как и в Каире. Но – улыбка халифа!

– Ему улыбнулся халиф! Это останется.

А за что улыбнулся – это забудут. Заслуги забываются. Награды остаются.

Когда уста халифа расходятся в улыбку, – это открываются завесы к милости.

А милость халифа – это дверь к почестям. Почести – дверь к богатству. И трое споривших заспорили вновь.

– Значит, повелитель изволил милостиво улыбнуться мне!

– Нет, мне!

– Врете, мне!

– Я первый бездельник во всем Багдаде!

– Нет, я!

– Я!

– Стойте! – сказал Гарун-аль-Рашид. – Пусть каждый расскажет сам о себе, насколько он бездельник, – а я уж решу, кому я улыбнулся, и прикажу дать виновному столько палок по пяткам,

сколько он будет заслуживать. Рассказывайте теперь.

Палки по пяткам заставили задуматься споривших. Но улыбка халифа – это утренняя звезда. Милость – предрассветный ветерок. Почести – заря, и богатство – солнце, освещающее жизнь.

Перед чем человек остановится, – когда его ждет улыбка халифа? – Меня зовут Бэн-Бэкар, к твоим услугам, повелитель! – сказал первый из споривших. – Я благородно рожденный араб. И знаю своего отца, потому что моя мать так же блистала добродетелью, как отец славился своим богатством. Все, что ты, повелитель, можешь окинуть глазом, поднявшись на самую высокую гору, все к восходу и закату солнца, к полудню и полуночи, – все это завоевано моими предками вместе с твоими. Во всех битвах, где твои предки были военачальниками, мои сражались как воины. И, выслушав мою повесть, – я надеюсь, – повелитель, ты найдешь, что я первый бездельник в Багдаде, заслужил твою улыбку, но не заслужил наказания, потому что виноват в своем безделье не я, – а все окружающие меня народы. Турки, лукавые сирийцы, пронырливые армяне, хитрые афганцы, черные негры, коричневые абиссинцы, те, что приходят к нам с караванами из далекого Египта, китайцы с косыми глазами, трусливые евреи, предприимчивые монголы, которые являются к нам оттуда же, откуда появляется солнце, из-за необозримых пустынь и высоких ледяных гор, персы с крашеными бородами и красными ногтями, индусы с бесстыжими знаками, нарисованными на их лицах, бедуины в полосатых плащах, сарты, туркмены, киргизы, сомалийцы, сингалезы, воинственные сикки, поклоняющиеся огню парсы, сиамцы, жители Тибета. Разве их всех пересчитаешь и упомнишь? У кого в руках вся торговля? Кто привозит к нам жемчуг из Тутикарина? Индусы!

Цветные камни с Цейлона? Сингалезы. Шелк? Китайцы. Ковры, чтобы заглушать твои шаги? Сирийцы. Кашемирские шали, чтобы благочестиво покрывать гробницы предков? Афганцы. Благовонный ладан, аравийскую амбру, чтобы обращать воздух в воздух рая пророка? Сомалийцы. Розовое масло, чтобы превращать гарем в цветник? Турки. Сладчайшие фрукты нам доставляют персы. Мы, победители, мы, покорители, – мы не можем даже жить трудами

своих рук. Потому что лучшую сталь выковывают поклонники Брамы. Искусно режут по слоновой кости абиссинцы. Я не мог бы даже растирать в бане разгоряченные и разнеженные тела моих сограждан, потому что этим делом занимаются сильные, ловкие и проворные, как кошки, негры. Каким промыслом я займусь, когда кофейня, где я сижу, принадлежит египтянину, мясная лавка напротив – жителям Дели или Агры, а лечебными травами наискосок торгует иудей? Что ж остается мне делать? Мне, благородно рожденному арабу! Плакать, жаловаться и сидеть целый день, – от восхода до заката солнца, и после заката в кофейной.

Я и сижу здесь, сижу безвыходно, жалуюсь на судьбу и пью кофе .уж на последние пиастры, которые остались у меня в длинном, но пустом кошельке. Уж одно это, повелитель, делает меня достойным твоих милостей. А впрочем, пусть будет так, как угодно Аллаху!

Гарун-аль-Рашид выслушал его со вниманием и сказал:

– Отчаяние – это собака, которую надо бить палкой, чтобы она не выла. Жалобы распространяют уныние, как скверный запах. Ничего не делать, только жаловаться и возбуждать уныние в других. Да, ты порядочный бездельник, и я с удовольствием дал бы тебе награду. Но послушаем других. Говори теперь ты.

– Твоего раба зовут Абал-Гассаном! – низко поклонившись, сказал второй из споривших. – И если ты спросишь обо мне в Багдаде, к моему имени прибавят: «величайший деятель нашей торговли и промышленности».

А, между тем, я величайший, самый настоящий, первый бездельник во всем городе, вполне заслуживаю твоей улыбки и не заслуживаю наказания палками, потому что в моем безделье виноват не я, а моя бабушка, да будет благословенна ее память. Ее имя было Абла, и она была плодовита, как все в ее роде. Она родила моему дедушке, – да будет благословенна и его память, – шестнадцать сыновей, не считая моего отца, которые все остались живы. Да считай, что у нее у самой было двадцать два брата, да будет благословенна память всех моих родственников. У каждого из них было по двадцать сыновей. Таким образом, как ты можешь легко сосчитать, повелитель, я родился на свете с

шестнадцатью родными и четырьмястами сорока двоюродными дядями. Людьми богатыми и занятыми в разных торговых делах. Каждый дал мне хоть крошечное место в своем деле или постарался устроить меня в чужом, где он имел влияние. И я, право, затруднился бы, повелитель, даже по твоему повелению, перечислить все должности, которые я занимаю и на которых числюсь.

Аллах создал день слишком коротким для этого. Ты можешь спросить в любой торговле, в любом обществе, в любом деле, где есть несколько хозяев, – и те ответят, что Абал-Гассан чем-нибудь у них да считается.

Там одним из распорядителей, здесь одним из наблюдающих, там одним из советников. Чтобы только обойти все места, где я занимаю какую-нибудь должность, мне не хватило бы времени от одной новой луны до другой. Да я их всех и не помню. Слава аллаху, что они все помнят обо мне и присылают мне вовремя жалованье. А посещать хотя бы некоторые из должностей, – это было бы несправедливостью и могло бы дурно повлиять на торговые дела. Абал-Гассан был в торговле янтарем. А что же торговля самсунским табаком? Одно из двух. Или в их торговле янтарем такие беспорядки, что Абал-Гассан пошел туда посмотреть все своими глазами. Или торговля табаком так из рук вон плоха, что Абал-Гассан туда даже и не ходит. Чтобы не возбуждать подобных толков, мне остается одно: сидеть целый день в кофейной и ждать, пока мне принесут жалованье. Оттуда тысячу пиастров, оттуда полторы, оттуда две. Сюда же в годовщины основания предприятий, в которых я участвую, приходят избранные люди, чтобы благодарить меня за мою деятельность, которую они называют «всеобъемлющей». Дошло до того, что всякое новое предприятие считает непрямым долгом пригласить к себе Абал-Гассана, ибо что ж ото было бы за дело без Абал-Гассана? Спроси об этом, – и тебе подтвердит справедливость моих слов, повелитель, весь Багдад.

Другого такого бездельника, ручаюсь, ты не найдешь во всем Багдаде. Я бездельничаю, получаю за это почет, жалованье и награды и надеюсь, что ты, повелитель, сочтешь меня достойным награды и не достойным наказания. Но что лучше, – знает один

аллах.

Гарун-аль-Рашид рассмеялся и сказал:

– Твое безделье совсем особенного сорта. Ты, действительно, заслуживаешь награды. Но послушаем сначала, что скажет третий!

– Меня зовут Абу-Мустафа, о, повелитель здешних мест! – с низким поклоном сказал третий из бездельников. – Я счастлив, что вижу тебя и могу в лицо тебе похвалить твою мудрость. Потому что похвала за глаза

– это благовоние, которое курится за стеной. Бесплодная трата драгоценного ладана. А похвала в глаза – это благовоние, которое курится в той же комнате. Удовольствие тому, перед кем оно курится, –

благодарность и награда тому, кто подбрасывает ладан. Твоя деятельность, повелитель, известна всем. Ты не только днем творишь суд и расправу, но, как мы знаем, и ночью обходишь город, чтоб знать, как спят его жители. И ты, сама деятельность, ищешь величайшего бездельника во всем городе. Мысль мудрая и достойная тебя, как все твои мысли. Ты и он – это будут две крайности. Низ и верх. Всякий, кто хочет что-нибудь измерить, сначала определяет две крайние точки. Ты ищешь величайшего бездельника, чтоб наградить его по заслугам. Меня, как и моих товарищей, прельщает твоя улыбка и страшат твои палки. Как и они, я объявляю, что величайший бездельник во всем городе я. Но чтоб правильно рассудить нас, надо прежде всего определить: что такое бездельник? Что такое безделье? Вопросы, которыми еще никто не занимался. И чтоб разрешить его, надо, по моему скромному мнению, созвать совещание. Это совещание выделит из себя два совещания. Одно для рассмотрения вопроса по древним и ученым книгам, что считалось бездельем в прежнее время. Другое объедет страну и беседами с мудрейшими и почтеннейшими людьми постарается определить, что может считаться бездельем в наше время. Ибо то, что считалось делом в одно время, считается часто бездельем в другое. Оба эти совещания выделяют из себя, в свою очередь, третье, которое объедет все известные нам страны и узнает, что считается истинным бездельем у них. Всегда полезно, для сравнения, узнать, что думают по какому-либо поводу и в соседних странах.

И вот, изучивши вопрос о безделье основательно и всесторонне, совещания, наконец, смогут точно определить: что же именно должно считать бездельем? Каким условиям должен удовлетворять настоящий бездельник? Тогда новое совещание, разделившись на такое число совещаний, какое потребно, приступит к опросу всего населения, по всем городам и деревням, где имеются лица, удовлетворяющие всем требованиям, которые можно предъявить к настоящему бездельнику. Когда все бездельники будут собраны, совещание приступит к их проверке.

Отберет тех из бездельников, которые выдаются среди других своими качествами. Лучших бездельников! И приступит к сравнению их с нами.

Кто из нас, в какой мере удовлетворяет достоинствам, проявленным действительными, отборными, лучшими бездельниками всей страны, олицетворяющими истинное безделье, признанное всей вселенной? Только тогда, полагаю, можно будет решить...

Гарун-аль-Рашид, который во время этой речи обнаружил на седле все признаки нетерпения, прервал говорившего:

– Только тогда... Но когда же будет это «тогда»?

– Я думаю, что все совещания окончат свои труды не позднее, чем через семьдесят лет, – да продлит аллах твои дни, повелитель! – с глубоким поклоном отвечал Абу-Мустафа.

– Но тогда на свете не будет ни вас, ни меня! Я улыбался, несомненно, тебе. Дать ему пятьдесят палок по пяткам! Именно ему.

Величайший бездельник тот, кто выдумал совещание! – сказал Гарун-аль-Рашид. Тронул поводом своего коня и ускакал.

А верный визирь его Джабекир остался исполнить приказание халифа.

Вот что случилось в Багдаде, – закончим благочестиво наш рассказ.

Во имя Аллаха, единого, великого и милосердного.

Влас ДОРОШЕВИЧ. Ertekiler